Громыко С. А. Первое русское риторическое руководство по политическому красноречию (О книге М. Н. Попова «Политическое красноречие. Что нужно для оратора») / С. А. Громыко // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 24—40. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-24-40.

Gromyko, S. A. (2019). The First Russian Rhetorical Guidance in Political Oratory (On M. N. Popov's Book "Political eloquence. What a speaker needs"). *Nauchnyi dialog*, *9*: 24-40. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-24-40. (In Russ.).

УДК 808.5+37.035.43:808.5"1906"(049.32) DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-24-40

Первое русское риторическое руководство по политическому красноречию (О книге М. Н. Попова «Политическое красноречие. Что нужно для оратора»)

© Громыко Сергей Александрович (2019), orcid.org/0000-0002-4256-9815, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет» (Вологда, Россия), ling2007@yandex.ru.

Анализируется книга М. Н. Попова «Политическое красноречие. Что нужно для оратора». Книга рассматривается как первое русское риторическое руководство по политической речи. Появление работы Попова связывается с зарождением парламентской и — шире — политической риторики в России начала XX века. Особое внимание уделяется формату издания — общедоступное, популярное риторическое руководство — и его содержанию в аспекте представлений автора о зарождающейся парламентской коммуникации. Воссоздается портрет читателя книги: это человек, не обладающий систематическим образованием, но имеющий опыт произнесения неинституциональных речей на митингах и народных собраниях. Анализируется структура книги в аспекте традиционных риторических руководств. Обращается внимание как на отступления от традиционных канонов составления учебника по риторике, так и на преемственность последним. Особое внимание обращается на использование М. Н. Поповым психологического подхода при объяснении проблем взаимодействия оратора и аудитории. Делается вывод о том, что книга М. Н. Попова отражает во многом идеалистические представления об устном публичном выступлении в парламенте, но в то же время предвосхищает многие черты отечественной парламентской коммуникации. Анализируемая работа представляет научный интерес как источник изучения истории русской риторики, отражающий риторический идеал русской публичной политической речи.

Ключевые слова: риторика; история русской риторики; парламентская речь; политическая коммуникация; риторические руководства; риторический идеал.

1. Введение в проблему

В начале XX века устная публичная речь разных стилей и жанров получает исключительное право быть основным видом словесной культуры: расширяются ее виды и функции, увеличивается аудитория [Чистякова, 2006]. Это было связано с тем, что в конце XIX — начале XX веков требования российского общества к речи значительно изменились по сравнению с предыдущими этапами развития русской риторики. Демократизация институтов власти разного уровня, начатая либеральными реформами 1860—1870-х годов, резко увеличила роль публичного общения, причем в самых различных сферах жизни человека. В публичную деятельность вовлекалось все больше людей из разных сословий. Умение ясно и убедительно высказывать свою точку зрения стало необходимым не только представителям высших слоев российского общества, но и мещанам, разночинцам, а позже — рабочим и крестьянам. В начале XX века в отечественной риторике наблюдается повышенный интерес к воздействующей функции речи, который отразился в риторических руководствах того времени. В 1906 году впервые в истории России был сформирован парламент, в котором равные возможности выражения своих позиций были предоставлены и дворянам, культура слова которых воспитывалась лучшими произведениями отечественной словесности, и рабочим, речь которых оттачивалась в производственном общении, отчасти на митингах, и представителям духовенства с их познаниями и умениями в области духовной риторики, и крестьянам, которые, казалось бы, в искусстве красноречия должны были уступать остальным депутатам. Представителям разных сословий и политических партий было необходимо наладить такое речевое взаимодействие, на основе которого мог бы состояться эффективный политический диалог.

Русская политическая риторика в историческом аспекте на сегодняшний день изучена недостаточно. Нельзя не согласиться с мнением В. И. Аннушкина, заметившего, что, «к сожалению, история русского политического красноречия до сих пор не написана» [Аннушкин, 2006, с. 237]. Данное высказывание, пожалуй, в наибольшей мере применимо к изучению русской парламентской речи: если публичные выступления отдельных выдающихся политических ораторов начала XX века, советской эпохи, рубежа XX—XXI веков стали в последнее время объектом пристального внимания ученых, то парламентской речи в аспекте ее преемственности по отношению к сложившимся традициям отечественного парламентского красноречия посвящены лишь несколько работ [Баранов, Казакевич, 1991; Культура парламентской речи, 1994]. Среди фун-

даментальных трудов по истории политического красноречия необходимо назвать в первую очередь докторскую диссертацию и монографию И. Ю. Чистяковой «Русская политическая ораторика первой половины XX века» [Чистякова, 2006]. В этой работе впервые определены жанры и жанровые формы дореволюционной и советской ораторики, выявлена специфика образа политического оратора и риторического идеала в разные десятилетия первой половины XX века. Вопросы генезиса русской политической риторики, векторов развития институционального красноречия в данной работе отражены в меньшей степени.

В большинстве своем история русского политического красноречия излагается в лучшем случае в небольших по объему главах некоторых учебных пособий по риторике [Грановская, 2004; Михальская, 1996], где всегда подчеркивается особое значение для развития политического дискурса парламентских речей начала XX века. Думская дискуссия 1906 года ознаменовала собой рождение новой для России отрасли светского красноречия — парламентской риторики. Многие специалисты в области истории риторики связывают с І Государственной думой возникновение [Аннушкин, 2006] либо интенсивное развитие [Грановская, 2004; Михальская, 1996; Чистякова, 2006] в России не только парламентского красноречия, но и политической ораторики в целом. До 1906 года в России не было системы институтов демократического народного представительства, следовательно, не были выработаны принципы и механизмы публичной дискуссии в рамках политических институтов. Депутатам І Государственной думы пришлось разрешать противоречие между необходимостью участия в дискуссии и отсутствием умений и опыта ведения публичной политической дискуссии.

В этих условиях представляется крайне важным проанализировать все имевшиеся в начале XX века попытки планирования, корректирования и моделирования зарождавшейся на тот момент устной публичной политической речи, так как они отражают генезис как открытого политического дискурса в целом, так и институциональной политической риторики, в частности. Одна из наиболее известных таких попыток — риторическое руководство М. Н. Попова «Политическое красноречие. Что нужно для оратора» [Попов, 1906].

Целью данной статьи является воссоздание модели представлений о зарождающемся политическом красноречии после Манифеста 17 октября 1905 года, изложенных в риторическом руководстве М. Н. Попова «Политическое красноречие. Что нужно для оратора». Особое внимание при этом уделяется представлениям автора о парламентской риторике как

совершенно новом, нетрадиционном для России феномене устной публичной речи. Введение в научный оборот книги М. Н. Попова, на наш взгляд, представляет собой важный шаг в направлении решения проблемы генезиса русской парламентской риторики, ее ориентации на западные образцы и использование внутренних национальных ресурсов различного рода дискурсивных практик.

Методологической основой работы является система представлений о сущности риторики как науки и красноречия как совокупности речевых практик, целях риторики, ее разделах и методах, изложенная в трудах Аристотеля, а также в современных исследованиях в области политической риторики и лингвистики В. И. Аннушкина, Л. М. Грановской, А. П. Чудинова, Г. Г. Хазагерова, Е. И. Шейгал.

Основу методики исследования составил в первую очередь комплексный анализ риторического руководства, предложенный В. И. Аннушкиным. В работе «Русская риторика: исторический аспект» отечественные риторические руководства анализировались им (помимо собственно текстологических особенностей) по параметрам оригинальности / компилятивности теоретического материала, специфики терминологии, соотнесенности структуры с античным риторическим каноном, отражения учения об ораторе, представлений об аудитории, стилистических особенностей памятника, оригинальности примеров и иллюстраций. Такой подход в отечественной науке можно считать устоявшимся и позволяющим наиболее адекватно проследить динамику развития русской риторики.

2. Исторический контекст появления риторического руководства

Исследуемое риторическое руководство ранее не являлось самостоятельным объектом изучения специалистов по истории риторики по ряду причин. Во-первых, русские риторические руководства XVII—XIX веков, несмотря на свое обилие и богатство, долгое время представляли собой практически неисследованный пласт памятников, поэтому внимание таких ученых, как В. П. Вомперский, А. С. Елеонская, Л. К. Граудина, Г. И. Миськевич, В. И. Аннушкин, было сосредоточено в первую очередь на этом периоде бурного развития отечественной риторики. Во-вторых, влияние руководств «золотого века» русской риторики на филологическую и педагогическую мысль было поистине огромным, чего нельзя сказать о руководствах рубежа XX века, которые могут быть интересны филологу с несколько иных позиций. В результате книгу М. Н. Попова мельком, без детальной характеристики, упоминает в своих работах В. И. Аннушкин, однако в его пособии «Риторика. Вводный курс» «Политическое красноречие» Попова

заслуживает высокой оценки: «В 1905 году (так в оригинале пособия. — (C, Γ) была издана неплохая книга Попова, которая так и называлась "Политическое красноречие в России" (так в оригинале пособия. — $C. \Gamma.$). Закономерно, что книга появилась именно в момент рождения в России парламентской демократии» [Аннушкин, 2006, с. 237]. Л. М. Грановская в своем учебнике риторики связывает книгу Попова (называя ее, кстати говоря, неправильно, у Грановской она именуется «Парламентское красноречие») с возникновением парламентской риторики [Грановская, 2004]. Это в строгом смысле неверно, так как очевидно, что пособие Попова было написано после Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года и до первого заседания Первой Государственной думы 27 апреля 1906 года, так как в книге говорится о Думе в будущем времени и нет ни одного примера думской речи. Иными словами, «Политическое красноречие» Попова предшествовало российскому парламенту и, соответственно, возникновению парламентской ораторики. В других работах по истории отечественной риторики исследуемая книга присутствует лишь в качестве упоминания в библиографическом списке (см., например, «Теорию и практику русского красноречия» Л. К. Граудиной и Г. И. Миськевич [Граудина и др., 1989]).

Риторическое руководство М. Н. Попова «Политическое красноречие. Что нужно для оратора» увидело свет в 1906 году в Санкт-Петербурге в издательстве С. М. Муллер. Типо-литография С. М. Муллер была на тот момент известна в столице, так как она специализировалась на издании книг либерально-прогрессивной и социалистической направленности, затрагивающих в первую очередь социально-политические вопросы. В том же 1906 году, например, были изданы «Этика и материалистическое понимание истории» Карла Каутского, конволют «Правовая жизнь. Кузнецгражданин», популярная работа «Принципы трудовой теории», сборник «Процесс Веры Засулич: суд и после суда». Ранее, в 1900 году, издательство прославилось переводом на русский язык работы основоположника сексологии Альберта Молля «Половое чувство». Книги были невелики по объему, написаны доходчивым языком и носили ярко выраженный популярный характер. В то же время издания были качественно подготовлены: предисловия в ряде случаев были написаны известными учеными. В этом смысле книга М. Н. Попова типична для формата издательства: объем текста вместе с оглавлением и предисловием составляет 87 страниц, работа написана живым языком и содержит минимальное количество единиц научной терминологии.

Нулевые и десятые годы XX века — время появления и расцвета общедоступных риторических руководств, которые являлись продук-

том не только учебным, но и коммерческим. На смену систематическим учебникам периода расцвета русской риторики 1790—1860-х годов приходят руководства начала XX века, ориентированные на речевые практики в конкретных сферах коммуникации. Утрата важнейшего компонента риторического руководства — теоретической части — связана с тем, что, по словам В. И. Аннушкина, «с середины XIX века риторика, по существу, перестала быть в поле зрения педагогической общественности» [Аннушкин, 1998, с. 12]. Читатель руководства в начале XX века — уже не только и не столько ученик, усваивающий материал от теории к практике, сколько человек, столкнувшийся в своей повседневной или профессиональной деятельности с проблемами устного публичного выступления и формирующий спрос на конкретные способы решения этих проблем. Соответственно, формат книги, подача материала, иллюстрации должны были отражать рыночные отношения в системе книгоиздания. Ярким примером общедоступного руководства является выдержавшая несколько переизданий серия книг Н. Абрамова (Н. А. Переферковича) «Дар слова», выходившая с 1901 по 1910 годы и представлявшая собой, по существу, разделенный на маленькие книги объемом 35—50 страниц и адаптированный для неподготовленного читателя учебник риторики с современными иллюстрациями.

Пособие М. Н. Попова, по-видимому, не было столь популярным у читателей, как книги Н. Абрамова. По крайней мере, упоминания об этой работе среди видных современников (например, членов Государственной думы) крайне редки. Говорить о большом влиянии «Политического красноречия» на ораторику народных избранников или элит не приходится, что, впрочем, не снижает научного интереса к изданию. «Политическое красноречие» Попова носит футурологический характер. Эта работа существенно выделяется из ряда предшествующих русских риторических руководств тем, что последние написаны на живом материале, на основе того опыта красноречия, который уже был у ораторов. Книга же Попова — риторическое руководство о том, каким должно быть политическое красноречие в России, когда оно появится, то есть о том, чего не было в реальности, что только зарождалось на глазах у автора и читателей. Именно в этом ценность книги, она показывает, какой могла бы быть русская политическая риторика и какой ее ждали умнейшие люди того времени.

3. Анализ риторического руководства

Цель руководства сформулирована в небольшом предисловии, которое само по себе вызывает интерес. Его автор — знаменитый российский юрист,

приват-доцент Санкт-Петербургского университета Александр Георгиевич Тимофеев, знаменитый еще и как теоретик судебной риторики. В 1985 — 1915 годах он читал на юридическом факультете курс истории судебного красноречия, в 1899 году выпустил книгу «Очерки по истории красноречия», а в 1900 году — работу «Судебное красноречие в России». В начале ХХ века Тимофеев считался главным специалистом по теории судебной риторики в России, о чем, например, свидетельствует тот факт, что им написана статья «Судебное красноречие» для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона». Уровень рассуждений автора предисловия очень глубок: Тимофеев в первую очередь пытается оправдать риторику как науку перед читателем, сформировавшим против нее предубеждения на основе стереотипных суждений. Риторика, по Тимофееву, не создает ораторов, она предполагает изучение ораторского искусства людьми, имеющими природные дарования, и таким людям она дает ряд правил для лучшего использования их сил. В современном же мире заслуга риторики в том, что она сберегает время и силы ораторов, давая возможность использования чужого положительного и отрицательного опыта [Тимофеев, 1906, с. VI].

В предисловии же обозначен и адресат риторического руководства Попова — все начинающие заниматься ораторским искусством и выработкой слога, а также желающие «впервые вступить на скользкое поприще политического оратора» [Тимофеев, 1906, с. VII]. Сам М. Н. Попов написание своей книги связывает с востребованностью политической риторики после Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года, так как ранее в России «... ораторское искусство не имело возможности свободно и всесторонне развиваться: для развития политического красноречия государственная форма правления не представляла какого-либо простора...» [Попов, 1906, с. 1].

В начале работы традиционно дается определение риторики. У Попова оно очень краткое и общее: «Ораторское искусство, или искусство красноречия, есть искусство влиять посредством слова на энергию аудитории» [Попов, 1906, с. 2]. Вместе с тем уже здесь видны основные ориентиры риторического учения: автор обучает в первую очередь воздействующей риторике и стремится основываться на психологии аудитории и ее взаимодействия с оратором.

Более традиционно, чем понимание ораторского искусства, выделение двух сторон публичной речи: внутренней (содержательность, логичность, легкость для понимания и правильность, художественность изложения) и внешней (умение произносить речи). Однако автор делает акцент на неравнозначности этих составляющих для современного слушателя. Внешняя сторона выступления играет гораздо более важную роль: «Речь, плохо

составленная, но умело, искусно произнесенная, всегда больше выиграет, чем речь, хорошо составленная, но дурно произнесенная» [Попов, 1906, с. 2]. Ориентируясь на аристотелеву традицию, Попов выделяет три вида речей: политические, судебные и духовные (вместо традиционных эпидейктических). И опять же среди них выделяются однозначно более востребованные обществом и потому «главные» политические речи. «Всё, что необходимо для политического оратора, то пригодно и для судебного оратора, и для духовного» [Попов, 1906, с. 3]. На этих трёх страницах, собственно говоря, и заканчивается теоретический курс риторики. Автор не рассуждает ни о преимуществах хорошего оратора над плохим, ни о терминологии, ни о пользе ораторского искусства для отечества — всё это в традиционной форме не актуально для общедоступного риторического руководства начала XX века.

Тем удивительнее наличие в книге, ориентированной на обучение практическим приемам публичной речи, пространной главы «История ораторского искусства». Эта глава занимает 20 (!) страниц, то есть практически четверть всего риторического руководства. Главу условно можно разделить на две части: развитие европейской риторики с Античности до современности и развитие русской риторики. Рассказ об истории ораторского искусства строится по принципу биографических очерков: Древняя Греция представлена Демосфеном и его системой воспитания оратора, Рим — Цицероном и стилистическими особенностями его речей. Далее кратко повествуется о парламентской риторике в Англии, Франции и Германии. Образы Демосфена и Цицерона являются, безусловно, хрестоматийными для методики обучения публичной речи, однако более привычно видеть их в гимназических учебниках и курсах лекций более раннего периода. «Политическое красноречие» Попова все-таки ориентировано на взрослого читателя, который решил заняться самообразованием. По-видимому, автор предполагал, что уровень образования читателя таков, что рассказать о двух великих ораторах будет не лишним.

Но есть и другая причина столь объемных и подробных портретных очерков: Попов пытается представить Демосфена и Цицерона в качестве риторического идеала для российских политических ораторов начала XX века. Так, Демосфен — пример ясности мысли, четкости изложения, настойчивости и харизмы. Автор несколько раз подчеркивает, что Демосфен никогда не произносил импровизированных речей, а внешний эффект импровизации достигался за счет длительной и кропотливой подготовки оратора к выступлению. Цицерон — иллюстрация утверждения, что внешняя сторона речи политика, слог, стиль зачастую важнее содержательной

составляющей. Таким образом, Попов продолжает рассмотрение теоретических вопросов, заявленных во вступительной части, в занимательной для читателя форме через биографии выдающихся ораторов. Дальнейшее развитие политического красноречия в Европе Попов связывает исключительно с деятельностью парламентов, а также с революциями: в Англии появляются такие выдающиеся ораторы, как Кромвель, Питт-старший, Брайт, Гладстон, Пиль, Парнель, во Франции — Мирабо, Гизо, Тьер, Ламартин, Гамбетта, Жорес, в Германии — Лассаль, Бисмарк, Бебель.

Заслуживает внимания оригинальная концепция истории русской риторики, изложенная в книге. М. Н. Попов связывает зарождение и развитие ораторского искусства на Руси с христианизацией, а движущей силой его развития считает духовное красноречие, в котором выделяет византийское схоластической направление (Кирилл Туровский) и более позднее нравственно-практическое направление (митрополит Платон, архимандрит Макарий). Современное же автору духовное красноречие он называет «созерцательно-богословским» и «жизненно практическим». Светское красноречие, за исключением судебного, в России почти не получило никакого развития. Большие надежды возлагались на земское и городское самоуправление, но они так и не дали отечеству выдающихся ораторов. Причина этого, по М. Н. Попову, банальна — ограничение сферы деятельности эти органов исключительно хозяйственными вопросами [Попов, 1906, с. 17—18].

Судебное красноречие в работе рассматривается как наиболее развитая, самобытная и прогрессивная отрасль русской риторики. Попов продолжает портретные очерки выдающихся ораторов, подчеркивая сложность и разнообразие проявлений отечественного судебного красноречия. А. Ф. Кони — спокойный, уравновешенный, уверенный в себе оратор, выступления которого убеждают, а не воодушевляют присяжных. В его речах чувствуется влияние академической риторики. В. Д. Спасович вдумчивый оратор, доминантами речей которого являются тщательная подготовленность, выверенность материала до мелочей, логичность, четкость, ясность. Совершенно другой тип оратора представляют Плевако и Карабчевский, выступления которых направлены на чувства, а не на разум, полны пафоса и увлекательных для аудитории приемов. Все эти юристы рассматриваются автором как ориентиры для начинающего оратора, а судебная риторика — как источник развития политической риторики в целом. Последняя мысль особенно ценна, так как вопрос генезиса отечественного парламентского красноречия на сегодняшний день не решен, между тем влияние депутатов-юристов на дискуссию в Государственной думе неоспоримо [Громыко, 2011]. Более того, по мнению автора руководства, А. Ф. Кони является практически готовым парламентским оратором: «Если конституционная Россия приобретёт парламентский строй, то место Кони в парламенте. Аудитория парламента — депутаты, люди более или менее образованные, специально подготовленные к обсуждению того или иного вопроса. Депутатов трудно увлечь, их нужно убедить в правильности проводимого оратором взгляда, доказать целесообразность принимаемой меры или закона. Оратор в этом случае прежде всего должен заботиться о богатстве фактического содержания речи, о строгой логичности и убедительности, а не столько о внешних приемах. У Кони этих качеств достаточно, а потому его трибуна — парламентская трибуна» [Попов, 1906, с. 17—18]. В этой фразе интересно, скорее, идеалистическое представление автора о речевой деятельности в парламенте, чем оценка риторического потенциала А. Ф. Кони. Кроме того, М. Н. Попов, предполагая, какие ораторы будут востребованы в русском парламенте, отрицает западные образцы как основной источник парламентской риторики и говорит, что «русским ораторам необходимо учиться ораторскому искусству по русским образцам, необходимо усвоить особенности русской теории, русские приемы, выработанные лучшими представителями искусства, как светского, так и духовного» [Попов, 1906, с. 21—22].

Основная часть анализируемого риторического руководства включает две главы — «Парламентские речи» и «Гражданские речи», что соответствует современному делению политической риторики и ораторики на институциональную и неинституциональную. Примечательно, что в книге виден явный содержательный крен в сторону парламентских речей. Впервые в отечественной риторике дается детальная характеристика парламентской речи, ее отличий от неинституциональных форм, предлагаются наиболее эффективные, по мнению автора, речевые приемы, решаются важные вопросы взаимодействия парламентского оратора с аудиторией. Правда, делается это специфически — через негативное осмысление при помощи рассуждений «от противного». Парламентская речь рассматривается в первую очередь как «не гражданская», резко отличающаяся от гражданской, которая определяется как речь в народном собрании, и даже противопоставлена ей. Очевидно, автор очень хорошо разбирался в гражданской риторике, а о парламентской имел теоретическое представление, при этом бинарность материала порождает схематичность описания новой отрасли красноречия: «Гражданская речь, произнесенная в парламенте, будет слишком легковесна, недостаточно убедительна и как таковая, конечно, не достигнет своей цели. И наоборот, хорошая парламентская речь может потерпеть полное фиаско, будучи произнесена в народном собрании, где слушателей составляют представители всех слоёв общества, люди с более низким уровнем умственного развития. Парламентская речь в народном собрании покажется слишком тяжеловесной, монотонной, академической речью» [Попов, 1906, с. 23]. Из этой цитаты видно, что речь пока не идет о гетерогенности парламентских жанров, о влиянии на них регламента и о том, что парламентская речь, в сущности, и есть речь гражданская, только на высокой стадии развития.

Такой же подход (не примитивный, а, скорее, идеалистический) видим и в характеристике аудитории, и в предпочтении рационального типа аргументации: «Парламентские речи имеют своей аудиторией депутатов, людей заранее подготовленных по всем вопросам, могущим возникнуть в парламенте. Сверх того, если не все, то громадное большинство депутатов — люди образованные, менее способные поддаваться минутному увлечению. Тщетны будут надежды оратора добиться своей цели, если он будет иметь в виду только чувство и эффект» [Попов, 1906, с. 24]. В то же время М. Н. Попов демонстрирует опыт и прозорливость, когда перечисляет требования, предъявляемые к парламентскому выступлению.

Основные качества парламентской речи, по мнению автора руководства, — логичность и продуманность. В основе любого выступления должно лежать умозаключение [Попов, 1906, с. 25—28]. Любая импровизация в выступлении депутата — зло. При этом парламентарий должен уметь наладить контакт с аудиторией, которая не всегда настроена воспринимать его аргументы. М. Н. Попов даже несколько раз использует глагол «гипнотизировать» для описания возможного влияния оратора на слушателей. Здесь, однако, не идет речь о «риторике обольщения» или «черной риторике», так как под гипнотизированием автор понимает, скорее, особый этос оратора-психолога: «Воздавая честь и уважение аудитории, гипнотизируя ее, оратор должен держать себя с достоинством и уверенностью в себя и свои силы» [Попов, 1906, с. 32].

Для анализируемого руководства вообще не чужд психологический подход, основанный, скорее всего, на детальном анализе автором издания современных ему публичных речевых практик. Так, например, рассуждения автора о допустимости комического в парламентском выступлении завершаются выводом о том, что юмор и ирония — хорошие средства для поддержания внимания слушателей [Попов, 1906, с. 29]. Исключительно в контексте проблемы внимания аудитории рассматривается и диспозиция текста. Рассуждая о синтетическом и аналитическом методах расположения материала, Попов утверждает, что аналитический более пригоден для парламентской речи, так как, «перечисляя отдельные случаи и факты, рас-

крывающие основную мысль оратора, еще слушателям не высказанную, последние невольно должны быть заинтересованы тем выводом, к которому оратор постепенно их приготовляет» [Попов, 1906, с. 34].

Требования, предъявляемые к оратору, — традиционная часть русского риторического руководства, однако в анализируемом издании она оригинально переосмыслена. Речь, по сути дела, идет о качествах не столько хорошего оратора, сколько профессионального политика: образованность, широкий кругозор, хорошее знание философии и истории, знакомство с основами социологических наук (юриспруденции, политической экономии, государственного управления).

Примечательно, что элокуция и учение о слоге излагаются прежде основ диспозиции. Такое нарушение канона связано с логикой замысла автора: больший потенциал влияния на аудиторию он видит именно во внешней стороне речи и в приемах украшения. Расположение же текста есть внутренняя сторона, постичь которую слушатель сможет только в том случае, если оратору удастся заинтересовать его. Это еще раз подтверждает прагматико-психологическую концепцию политической риторики М. Н. Попова, построенную вокруг интересов и внимания аудитории. Мысль должна быть ясна и понятна, приятна и благозвучна. Слог должен удовлетворять требованиям стилистики. Это первый подход аудитории к восприятию оратора. Если он оказался успешным, то и аргументы будут восприняты с должным вниманием.

К наиболее важным для парламентского выступления автор относит следующие тропы и фигуры («искусственные приемы речи»): повтор (под которым, судя из примера, понимается анафора), обращение, восклицание, антитеза, сравнение, пример, эпитет, метафора, олицетворение, цитация, инверсия. Определения этих приемов даются не всегда, их суть демонстрируется на различного рода примерах. Основная функция тропов и фигур — воздействие на аудиторию, привлечение внимания слушателей.

Для парламентской речи М. Н. Попов рекомендует шестичастную структуру с обязательным соблюдением всех компонентов:

- 1) приступ (лучше искусственный или естественный, внезапный же больше подходит для гражданских речей);
 - 2) предложение (кратко и ясно излагается главная мысль речи);
 - 3) разделение (изложение плана речи);
- 4) изложение (основная часть, в которой всесторонне рассматривается главная мысль);
- 5) патетическая часть (воздействие оратора на воображение и чувства слушателей);

6) заключение.

Интересно, что такая структурная схема действительно была реализована депутатами Государственной думы, но несколько позднее, начиная со ІІ Думы, когда в выступлениях парламентариев стала появляться профессиональная диспозиция, а не только бинарные антитетические конструкции, как в І Думе [Громыко и др., 2018]. За исключением патетической части, которая, конечно же, редко была отдельным элементом, так как пафос чаще всего пронизывал все выступление, эта структура была каркасом речей таких выдающихся трибунов, как П. Н. Милюков, Н. Е. Марков, Ф. И. Родичев.

Вторая глава, посвященная гражданским речам, занимает всего четыре с половиной страницы (предыдущая глава «Парламентские речи» — 37 страниц) и несколько выпадает из логики книги. Эта часть руководства не дает читателю практически ничего нового, она представляет собой несколько, видимо, важных для автора самоповторов о более низком интеллектуальном уровне публики и, соответственно, других способах влияния на нее. Что, собственно, такое «гражданская речь», автор не поясняет, однако из содержания главы следует, что речь идет о выступлениях на митингах и в народных собраниях. Привлекает внимание лишь формулировка цели гражданских речей: «Вся цель гражданского оратора должна сосредоточиться на одном: пробудить пассивно настроенного слушателя, направить его волю на исполнение известного действия».

Книга заканчивается обширными параграфами об акции, что вполне логично для авторской концепции устного публичного выступления. М. Н. Попов привлекает большое количество сведений из области психологии: описываются воздействующие и нежелательные жесты, особенности мимики оратора, внимание уделяется необходимости зрительного контакта говорящего с аудиторией, предлагаются способы борьбы с волнением, даются советы по поводу оптимального начала выступления.

Особый интерес для исследования риторического идеала парламентского красноречия представляют многочисленные иллюстрации, которые приводит автор для подтверждения своих тезисов. Заметим, что эти иллюстрации имеют место быть только в главе «Парламентские речи», соответственно, они могут дать информацию о том, на что ориентировался теоретик политической риторики, излагая основы парламентской речи. Если говорить о персоналиях, то этих ориентиров было несколько: Максимилиан Робеспьер, Фердинанд Лассаль, Леон Мишель Гамбетта, Уильям Гладстон, Август Бебель, Карл Либкнехт. По-видимому, автору руководства было важно, чтобы читатель познакомился с фрагментами речей тех европейских политиков, имена которых были на слуху. Впрочем, в этом

перечне есть нестыковка: далеко не все приведенные в пример речи были парламентскими. Так, например, речь Лассаля во Франкфурте (видимо, имеется в виду речь 1863), которой Попов иллюстрирует взаимодействие оратора и аудитории в парламенте, не является институциональной, так как была произнесена в народном собрании, хотя большую часть слушателей и составляли бывшие депутаты. То же самое касается речи Лассаля «О сущности Конституции». В то же время цитируемые речи Гладстона являются действительно парламентскими институциональными.

4. Выволы

Книга М. Н. Попова представляет собой интереснейший источник изучения истории русской политической риторики. Являясь первым в России риторическим руководством по политической речи, она в первую очередь концентрируется на парламентском красноречии, которого в России на момент выхода в свет книги еще не было. Руководство отражает не реальное состояние парламентской риторики, а тот идеал, к которому должны были, по мнению автора, стремиться в своей речевой деятельности депутаты. М. Н. Поповым институциональная политическая риторика рассматривается прежде всего как полная противоположность неинституциональной, соответственно, требования к форме, содержанию речей и ораторскому этосу депутатов достаточно высоки. Идеализируя парламентского оратора и его аудиторию, автор руководства в то же время насыщает книгу рекомендациями по использованию ряда приемов, которые были в дальнейшем востребованы депутатами дореволюционных Дум.

В книге доминирует психологический подход к публичному выступлению: большое внимание уделяется внешней стороне речи, ее элокуции, конкретным приемам привлечения и удержания внимания слушателей, а также паравербальным средствам. По этой причине изложение материала строится не по принципу риторического канона, а от внешней стороны речи к внутренней. Однако в руководстве особым образом отражен и теоретический блок: категории оратора и аудитории, задачи публичного выступления, подготовка к речи рассматриваются на примере занимательных историко-биографических очерков.

Адресат «Политического красноречия» М. Н. Попова, с одной стороны, может показаться не вполне интеллектуальным и образованным — слишком много для такого небольшого издания информации начального уровня риторического образования. С другой стороны, читатель, несомненно, уже практиковался в устной публичной речи, а конкретно — на митингах и народных собраниях. Теперь же ему предстояло выступать в парламенте,

и первоочередной задачей книги было показать отличия привычного вида речей от выступлений в институте власти. Автор оптимистично смотрит на будущих думцев и на зарождающуюся отечественную парламентскую риторику: «Как судебное красноречие выработало свою теорию и приемы, так, надо полагать, и русское политическое красноречие не удовлетворится западноевропейскими теориями <...> Практики выработают приемы, теоретики — правила» (Попов, 1906, с. 22).

Литература

- 1. Аннушкин В. И. История русской риторики : хрестоматия / В. И. Аннушкин. Москва : Академия, 1998. 416 с.
- 2. *Аннушкин В. И*. Риторика : вводный курс / В. И. Аннушкин. Москва : Флинта ; Наука, 2006 296 с.
- 3. *Античные* риторики / под ред. А. А. Тахо-Годи. Москва : Издательство Московского университета, 1978. 352 с.
- 4. *Баранов А. Н.* Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранова, Е. Г. Казакевич. Москва : Знание, 1991. 63 с.
- 5. Волков А. А. Основы риторики / А. А. Волков. Москва : Академический проект, 2003. 304 с.
 - 6. Грановская Л. М. Риторика / Л. М. Грановская. Москва: Азбуковник, 2004. 217 с.
- 7. Γ раудина Л. К. Теория и практика русского красноречия / Л. К. Граудина, Г. И. Миськевич. Москва : Наука, 1989. 254 с.
- 8. *Громыко С. А.* Антитетические модели построения высказывания в русской парламентской речи начала XX века (на материале выступлений депутатов-националистов) / С. А. Громыко, С. А. Ганичева // Казанская наука. 2018. № 10. С. 80—83.
- 9. *Громыко С. А.* Язык российского парламента: становление отечественной парламентской коммуникации в начале XX века / С. А. Громыко // Политическая лингвисти-ка. 2011. № 2 (36). С. 82—91.
- 10. Данилина В. В. Политическая риторика как научное направление / В. В. Данилина // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2005. № 2. С. 88—106.
- 11. *Культура* парламентской речи / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. Москва : Наука, 1994. 360 с.
- 12. $\mathit{Muxaльская}$ А. К. Основы риторики : мысль и слово / А. К. Миxальская. Москва : Просвещение, 1996. 416 с.
- 13. *Попов М. Н.* Политическое красноречие: что нужно для оратора / М. Н. Попов. Санкт-Петербург : Муллер, 1906. 87 с.
- 14. Тимофеев А. Г. Предисловие / А. Г. Тимофеев // Попов М. Н. Политическое красноречие: что нужно для оратора. Санкт-Петербург: Муллер, 1906. С. 3—7.
- 15. *Хазагеров Г. Г.* Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. Москва : Никколо-Медиа, 2002. 313 с.
- 16. Чистякова И. Ю. Русская политическая ораторика первой половины XX века: этос ритора : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / И. Ю. Чистякова. Москва, 2006. 38 с.

- 17. Dijk T. A. Studies in the pragmatics of discourse / T. A. Dijk. Hague: Mouton, 1981. 331 p.
- 18. *Perelman C.* The new rhetoric: A treatise on argumentation / C. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969. 340 p.

THE FIRST RUSSIAN RHETORICAL GUIDANCE IN POLITICAL ORATORY (ON M. N. POPOV'S BOOK "POLITICAL ELOQUENCE. WHAT A SPEAKER NEEDS")

© Sergey A. Gromyko (2019), orcid.org/0000-0002-4256-9815, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language, Journalism and Theory of Communication, Vologda State University (Vologda, Russia), ling2007@yandex.ru.

The book "Political eloquence. What a speaker needs" by M. N. Popov is analyzed. The book is considered as the first Russian rhetorical guide to political speech. The appearance of Popov's work is associated with the birth of parliamentary and — more broadly — political rhetoric in Russia in the early 20" century. Particular attention is paid to the format of the publication — public, popular rhetorical guidance — and its content in terms of the author's ideas about the emerging parliamentary communication. A portrait of a reader is recreated: this is a person who does not have a systematic education, but has experience in pronouncing non-institutional speeches at rallies and gatherings. The structure of the book in the aspect of traditional rhetorical guides is analyzed. Attention is drawn both to the deviations from the traditional canons of compiling a textbook on rhetoric, and to the continuity of the latter. Particular attention is paid to M. N. Popov's usage of psychological approach in explaining the problems of interaction between the speaker and the audience. It is concluded that M. N. Popov's book reflects largely idealistic views about oral public speech in Parliament, but at the same time anticipates many traits of domestic parliamentary communication. Analyzed work is of scientific interest as a source of study of the history of Russian rhetoric reflecting the rhetorical ideal of the Russian public political speech.

Key words: rhetoric; history of Russian rhetoric; parliamentary speech; political communication; rhetorical guidance; rhetorical ideal.

REFERENCES

Annushkin, V. I. (1998). Istoriya russkoy ritoriki: khrestomatiya. Moskva: Akademiya. (In Russ.).

Annushkin, V. I. (2006). Ritorika: vvodnyv kurs. Moskva: Flinta; Nauka. (In Russ.).

Baranov, A. N., Kazakevich, E. G. (1991). *Parlamentskiye debaty: traditsii i novatsii*. Moskva: Znaniye. (In Russ.).

Chistyakova, I. Yu. (2006). Russkaya politicheskaya oratorika pervoy poloviny XX veka: etos ritora: avtoreferat dissertatsii... doktora filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).

Danilina, V. V. (2005). Politicheskaya ritorika kak nauchnoye napravleniye. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo), 2: 88—106. (In Russ.).

Dijk, T. A. (1981). Studies in the pragmatics of discourse. Hague: Mouton.

Granovskaya, L. M. (2004). Ritorik. Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).

Graudina, L. K., Miskevich, G. I. (1989). *Teoriya i praktika russkogo krasnorechiya*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

- Graudina, L. K., Shiryayev, E. N. (eds.). (1994). Kultura parlamentskoy rechi. Moskva: Nau-ka. (In Russ.).
- Gromyko, S. A. (2011). Yazyk rossiyskogo parlamenta: stanovleniye otechestvennoy parlamentskoy kommunikatsii v nachale XX veka. *Politicheskaya lingvistika, 2 (36)*: 82—91. (In Russ.).
- Gromyko, S. A., Ganicheva, S. A. (2018). Antiteticheskiye modeli postroyeniya vyskazyvaniya v russkoy parlamentskoy rechi nachala XX veka (na materiale vystupleniy deputatov-natsionalistov). *Kazanskaya nauka, 10:* 80—83. (In Russ.).
- Khazagerov, G. G. (2002). Politicheskaya ritorika. Moskva: Nikkolo-Media. (In Russ.).
- Mikhalskaya, A. K. (1996). Osnovy ritoriki: mysl' i slovo. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).
- Perelman, C. Olbrechts-Tyteca, L. (1969). *The new rhetoric: A treatise on argumentation*. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Popov, M. N. (1906). *Politicheskoye krasnorechiye: chto nuzhno dlya oratora*. Sankt-Peterburg: Muller. (In Russ.).
- Takho-Godi, A. A. (1978). Antichnyye ritoriki. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.).
- Timofeev, A. G. (1906). Predisloviye. In: Popov, M. N. *Politicheskoye krasnorechiye: chto nuzhno dlya oratora*. Sankt-Peterburg: Muller. 3—7. (In Russ.).
- Volkov, A. A. (2003). Osnovy ritoriki. Moskva: Akademicheskiy proyekt. (In Russ.).